

НЕ
ОСТАНАВЛИВАЙСЯ

АДАЛИН ЧЕРНО

Адалин Черно
Не останавливайся
Серия «В самое сердце», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69404020

Аннотация

Его боятся все студенты престижного университета, где мне предстоит учиться. Своенравный, дерзкий и опасный. Мой сводный брат. Я радовалась, когда он за меня заступился и спас от позора, но тогда я еще не знала, что взамен он потребует все, что у меня есть. Тело, душу и... сердце.

Ранее роман публиковался под названием «Навсегда с тобой».

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	56
Глава 10	63
Глава 11	70
Глава 12	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Адалин Черно

Не останавливайся

Глава 1

Соня

– Вот черт! – выдаю, когда не получается удержать трясушимися руками тарелку, и она падает на пол, разбиваясь на десятки осколков.

– Ты что, нервничаешь? – Стефа пристально на меня смотрит.

Даже на тарелку внимания не обращает, лишь всматривается в мое лицо и щурится.

– Я просто... она выскользнула.

Чтобы не смотреть ей в глаза, быстро хватаюсь за веник и начинаю сметать осколки. Я действительно нервничаю. Сегодня у меня должно было состояться мини-новоселье. Только я, Стефа и еще несколько подруг из университета, но так вышло, что Маринка проговорилась другой девчонке, та еще одной, и теперь ко мне собирается едва ли не весь университет.

Квартира родителей большая, без труда вместит многих, но я все равно нервничаю. Мама и так с трудом отпустила меня жить одну. Все потому, что в новом огромном доме,

в который мы с ней переехали из этой квартиры, мне не нашлось места. Не из-за ее нового мужа, нет, Богдан Петрович неплохо ко мне относился. Просто я имела неосторожность влюбиться в своего сводного брата. Жестокого, озлобленного и бесчувственного.

– Отдай, – Стефа выхватывает из рук веник и подметает осколки сама. – И прекращай нервничать. Я же тебе говорила, кто придет. Танского в списках нет.

Стефа понимает причину моего состояния, как никто другой, ведь именно она поддерживала меня после переезда, именно она забивала мою морозилку мороженым, а мою голову – совсем ненужной информацией, чтобы отвлечь от мыслей.

– А его друзья? Ким, Фил, Самвел? Будут?

– Никого не будет. Я же говорила, что только девочки, Сонь. Ну, парни будут, но в основном по парам. Прекращай нервничать, мы хорошо отдохнем, ребята принесут с собой алкоголь, а девчонки – закуски.

– Это как-то... неправильно. Все же у меня новоселье.

– Все правильно! Ты их не звала и любезно предлагаешь место для тусовки, так что выбора у них нет.

Я собиралась все готовить сама, но когда узнала, сколько будет народа, то поняла, что просто не потяну, и Стефа всем сказала, что алкоголь они приносят сами, если хотя бы прийти. Многие согласились, но мне все равно не по себе, хоть и другого выхода нет. Просить у мамы денег я не стану. Она и

так приличную сумму мне оставила. Настолько приличную, что я несколько месяцев могу не переживать о работе, хотя все же планирую ее найти. Рано или поздно моя мама поймет, что никакой работы на самом деле нет, она была всего лишь предлогом, чтобы сбежать из того огромного дома.

Ближе к восьми начинает собираться народ. Первыми приходят Маринка и Ника. Маринка сразу же извиняется за то, что проговорила, но я уже и не злюсь. Она не знала, что тусовка планируется на небольшое количество людей, вот и пошел слух по университету.

Расслабиться удастся только в десять. К этому времени гости прибывать перестают, и среди присутствующих я действительно не вижу никого, кто был бы хоть как-то связан с компанией Тана. Парни и девчонки многие из моей группы, кто-то из Стефкиной, так что я позволяю себе выпить бокал шампанского.

– Хватит сидеть, – злится Стефа. – Пошли, давай потанцуем. Не будет твоего Тана здесь, можешь не переживать. Уже никто и не приходит, все явились.

Поддаюсь уговорам, потому что и правда не могу сидеть. Играет заводная музыка, многие танцуют. В целом вечеринка проходит спокойно, зря я волновалась, что могут быть проблемы. Выходим со Стефой на танцпол, который оборудовали в центре гостиной, и отрываемся как можем. Хорошо, что соседи снизу ищут арендаторов, а то бы сейчас были шокированы происходящим.

Я стараюсь максимально отвлечься. Впервые за несколько недель мне это почти удается, но внезапно я чувствую головокружение и останавливаюсь, а затем и вовсе чуть не падаю. Меня придерживает какой-то парень.

– Прости, – говорю ему.

– Не страшно. Тебе плохо?

– Нет, просто голова закружилась, – освобождаюсь от его рук и следуя к себе в спальню, чтобы открыть окно и немного подышать свежим воздухом.

Вдыхаю его полной грудью, и мне становится легче. Видимо, в гостиной слишком душно. Думаю о том, что постою так еще несколько минут, а затем вернусь и открою окно, чтобы больше никому не стало плохо, но до меня вдруг доходит, что музыка прекращается. В гостиной становится как-то подозрительно тихо. Я даже прислушиваюсь, но ничего не слышу, словно все гости разом исчезли.

Делаю несколько шагов к двери, чтобы пойти проверить, но на середине комнаты замираю, потому что дверь открывается, и на пороге появляется Тан. У меня дыхание перехватывает. Я даже несколько раз моргаю, чтобы убедиться, что это не зрительная галлюцинация, и он действительно стоит на пороге.

– Соня, я не успела, он сам, – за его спиной появляется Стефа.

Она пытается протиснуться в комнату, но ее одергивает возникший словно из ниоткуда Самвел. Секунда – и вот

уже дверь за спиной Тана захлопнута, а он – внутри комнаты. Слишком близко ко мне. Опасно близко и почему-то еще подходит. С каждым шагом становится ближе. Как бы я ни отходила назад, он меня преследует. Надвигается, словно несокрушимая скала.

Он изменился. Его волосы больше не скрывают шрам. Они небрежно ниспадают на лицо по обеим щекам. Я сглаживаю. Стефа не говорила мне, что Тан перестал скрывать шрам, хотя она упоминала, что давно его не видела. Неужели... это больше не проблема для него?

– Кажется, ты не получал приглашения, – замечаю, а у самой сердце из груди готово выпрыгнуть.

– А что? Недовольна моим появлением? Или противно на меня смотреть?

– Я просто не приглашала. Где гости? Вы их выгнали?

– В гостиной шокированные сидят. Не каждый день, знаешь ли, видят такого уроды, как я.

Я лишь мотаю головой. Его слова ранят меня по живому. Я никогда не считала его уродливым, потому что это неправда. Даже с ожогом на лице на Тана хочется смотреть. Он притягивает взгляд. Крепко зажмуриваюсь и напоминаю себе, что он сделал. Напоминаю себе про установленную в моей комнате камеру, про спор, но когда распахиваю глаза, едва не вскрикиваю от неожиданности, потому что Тан стоит передо мной. В паре сантиметров. Он протягивает руку к выключателю, и комната погружается в темноту. Мне становится

страшно. Не потому что я боюсь его, а потому что мне вдруг слишком сильно хочется обнять его и прижаться к нему всем телом.

– Что ты делаешь? – шепчу в темноту.

– Ненавижу тебя, – выдает непривычно охрипшим голосом.

Не понимаю. Ничего не понимаю. Зачем он пришел? Неужели не собирается оставлять меня в покое и будет доказывать, что ненавидит?

Я это знаю, вот только... его слова расходятся с действиями. Он прикасается ко мне, бесцеремонно расстегивает верхнюю пуговицу на блузке и ныряет пальцами внутрь.

– Так нельзя...

Я пытаюсь увернуться. Пытаюсь ему не позволить, потому что то, что он делает – слишком запретно и непозволительно. Мы уже через это проходили. Мы уже пробовали, трогали друг друга, целовали. Стоит вспомнить об этом, как все тело простреливает импульсами удовольствия, а внизу живота закручивается тугий узел.

– Ты еще не поняла? – хмыкает. – Мне можно всё.

Пока я пытаюсь понять, что Тан собирается делать, он вдавликает меня в себя и приближает лицо. Я думала, что он будет меня целовать, но он спускается ниже, к моей шее. Впивается в нее поцелуем-укусом, от которого я вскрикиваю.

– Ты мне кое-что задолжала, сестричка.

Глава 2

Ким

– Я не понял, он две недели бухает? – спрашиваю у Само, который, сказав мне эту информацию, почему-то ржет.

– Ну ты ж знаешь Тана. Побухает, перебесится. Че он, кстати? Ты в курсе?

– В каком он клубе?

Час ночи. Я давно спал, пока настойчивая трель звонка меня не разбудила. Все потому что Тан позвонил Само и попросил его забрать из клуба, куда этот идиот поехал на своей тачке. Самвел и сам не в лучшей кондиции. Фил рядом с ним, а потому из нашей компании самым адекватным и трезвым на данный момент оказываюсь именно я. Как всегда, блядь. Как всегда.

– В той шарашке, откуда Аську забирали, – сообщает. – Ты поедешь?

– Уже собираюсь, – отвечаю и сбрасываю звонок.

Сожалею, что тогда не настоял на закрытии этой шарашки. Выжидал время, думал, а теперь еду туда снова – на этот раз чтобы забрать друга. Я ничего не знаю из того, что случилось. Когда спрашивал Тана, он резко ответил, что это не мое дело, а когда звонил Соне, она попросила больше ее не беспокоить. У этих двоих что-то произошло, но мне, откровенно говоря, заниматься разборками было некогда.

Дорога до “клуба” на такси занимает полчаса. Как только захожу, понимаю, что зря не закрыли. Стоило. Здесь буквально царит аура разврата и пошлости. Почти голые девочки танцуют на столах перед мужчинами и парнями. Здесь по-прежнему различный контингент. Кто-то моложе, кто-то старше. Тана нахожу в самом углу помещения с бокалом виски в руках. Нахрена он приезжает туда, где просто сидит в одиночестве – понятия не имею. С таким успехом можно врубить музыку и напиться дома.

– Блядь, – выдает, как только присаживаюсь рядом с ним. – Так и знал, что Само тебе позвонит.

– Сразу бы мне звонил, раз так.

Тан морщится. Выглядит он так себе. В том, что дела плохи, убеждаюсь по открытому шраму. Мы не часто обсуждали случившееся, а его внешность – практически никогда, но шрам был для него триггером. Болезненной темой, которую он предпочитал не поднимать. А тут открыл, показал всем, буквально похвастался. Хмурюсь и смотрю не без интереса.

– Чего? – скалится. – Ты первым его видел. Забыл, как выглядит?

– Считай, что так, – киваю. – С чего демонстрация?

– Заебался скрывать, прикинь?

– Да и правильно.

Это решение я поддерживаю, хоть и понимаю, с каким трудом он его принял. Давно Тану говорил, что пора открыться. Многие догадываются, что с лицом что-то произо-

шло, какой смысл скрывать?

– Поехали домой?

– Валяй, – делает взмах рукой. – Я еще посижу.

– Так тебе не водитель нужен был, а собутыльник?

– Ага... выпьешь?

– Нет.

Тан кивает, не ожидая другого ответа. За то время, что мы с пацанами дружим, все прекрасно знают, что я не пью. Переносимость алкоголя у меня плохая. Хватает совсем чуть-чуть, чтобы выпасть из реальности, да и в целом состояние после не нравится.

– Закажи еще бутылку, а?

– Я приехал отвезти тебя домой, а не покупать бухло. Тебе достаточно, поехали.

– Я не просил тебя приезжать, – пожимает плечами. – Можешь уезжать.

Никак не реагирую. Сдерживаюсь, стараясь понять его состояние.

– Что сидишь?

– Пытаюсь понять, нахрена ты ведешь себя по-скотски. Не первый день знакомы. Есть что сказать – валяй.

– Нечего.

– Я вижу.

– Мне не нужны твои морали.

– А что нужно?

– Чтобы ты со мной выпил. Сделаешь?

— Ладно, но не здесь. У тебя или у меня, иначе мы застрянем здесь надолго, а находиться в этом насквозь пропитанном дерьмом месте не хочется.

— Че, правда выпьешь?

— Да.

— Тогда хватай бутылку и поехали.

Из клуба выходим вместе. Пытаюсь помочь Тану не свалиться, но он упорно не соглашается на мою помощь и идет сам.

— Куда едем? К тебе или ко мне?

— Как хочешь.

— Весомый ответ.

— Другого не будет. Мне плевать, куда поедem. Можем в отель еще.

Пока выезжаю на трассу, думаю, куда ехать. Отвез бы его к себе, но не хочется волновать мать поздним гостем и выпивкой, поэтому на повороте сворачиваю в сторону поселка, где живут Танские. Стас это замечает и, откупорив бутылку с виски, начинает пить прямо из горла.

— Ты не закусываешь?

— Не-а... хороший виски не заедают.

— А горе не запивают, знаешь?

— Фу, как по-философски. И нет никакого горя.

— Просто так пьешь уже вторую неделю подряд?

— Нравится. Ты бы попробовал, уверен, тебе тоже понравится.

Чем ближе подъезжаем к дому, тем быстрее иссякают темы для разговора. Тан в принципе не настроен на дискуссию, а мне хоть и хотелось бы вытащить из него хоть что-то, понятно, что он не станет ничего рассказывать прямо сейчас.

В доме тихо. По шуму, который Тан создает, когда поднимается, я поначалу думаю, что его отца и матери Сони нет дома, но они, оба сонные, появляются на этаже с растерянными выражениями лиц. Мне становится неловко. Я давно знаю, что отношения Тана с отцом не складываются, но я все равно норовлю извиниться. Воспитание и опыт нормального общения с матерью все же сказываются. Я прошу прощения за шум под уничтожающим взглядом Тана.

– Доброй ночи, блядь, – выдает с насмешкой.

– Еще раз вернешься среди ночи и разбудишь весь дом – я отберу у тебя ключи.

– На! – Тан швыряет их отцу под ноги. – Нахуй они мне не сдались.

Я не вмешиваюсь. Такие перепалки – не новинка, и влезать в них я не считаю правильным. Как и в принципе находиться здесь, пока они пытаются разобраться.

– Идем, – тещу Тана вниз, пытаюсь успокоить и отвлечь от перепалки с отцом.

Нехотя, но он прекращает препираться и идет со мной вниз. На кухне за прочно закрытой дверью разливаем виски по стаканам. Я вообще не пью, а сорокаградусный односолодовый даже не пробовал, хотя Тан уверяет, что это тема и

мне понравится.

Через несколько глотков начинаю разговор снова. Пытаюсь вытащить из Тана причину его угнетенного состояния, но в ответ получаю лишь хмурый недовольный взгляд. После решаю идти ва-банк. Во-первых, для меня во мне слишком много алкоголя, а во-вторых, вытаскивать друга по-любому надо.

– Слышал, что у Романовой вечеринка намечается? – закидываю удочку.

Первые мгновения он никак не реагирует, а потом выдает:

– И? Дальше информацию клещами тащить?

– А что говорить? – выдаю равнодушно. – Вечеринка завтра, вроде как на новой хате туса будет. Туда многие из университета собираются пойти.

– И че?

– Ниче, думал, тебе будет интересно.

– Неинтересно, – Тан выпивает весь свой виски из стакана, встает и направляется на выход.

– Ты куда?

– Высыпаться. Сходим завтра, потусим. Можешь лечь, кстати, в комнате Романовой.

Я смотрю на свой недопитый виски и испытываю внезапную жажду допить его, правда, все же выливаю остатки в раковину и тоже поднимаюсь. Если Тан завтра поедет к Соне, мне обязательно нужно быть рядом.

Глава 3

Тан

– Какие планы на вечер? – спрашивает Злата, прижимаясь грудью к моему плечу. – Мы же проведем его вместе?

– Не сегодня.

– В смысле?

От милого тона и улыбки, которая была на ее лице минуту назад, не остается и следа. Злата смотрит на меня взглядом разъяренной фурии.

– Ты обещал, что мы проведем вместе этот вечер.

– Я ничего тебе не обещал.

– Мы вчера разговаривали, ты забыл?

– Не забыл. Не моя вина, что мое “умгу” ты восприняла как обещание.

– Но я соскучилась, – Злата снова прижимается к моему боку, закидывает на меня ногу, но тут же оказывается скинутой в сторону.

– У меня другие планы. Сегодня без меня.

– И что за планы, что ты не можешь меня взять?

– Далекоидущие. Тебе, кстати, пора.

После вчерашнего у меня до сих пор болит голова, так что ее появление в моем доме – не лучшее решение.

– Когда ты придешь в университет?

– А что?

– Я просто... не понимаю. Ты забил на учебу, бухаешь, ко мне относишься так, словно мы друг другу никто.

– Мы просто трахаемся, – пожимаю плечами. – Не стоит считать это чем-то серьезным.

– Не стоит считать, что это несерьезно.

– А что? Замуж за меня собралась? – хмыкаю.

– А если да, то что?

– Забудь нахер и ищи жертву в другом месте.

Она царственно поднимается с дивана и шагает мимо меня к выходу.

– Двери за собой прикроешь! – кричу ей вслед.

Несмотря на то, что на часах почти вечер, и я проспал целый день, голова буквально раскалывается. Виски, выпитый уже с Кимом, явно был лишним. Заваливаюсь обратно в кровать, но сон больше не идет. Намереваюсь, как обычно за последние недели, налить себе виски, но торможу. Вспоминаю, что сегодня планирую быть на той гребаной вечеринке, которую устроила Романова.

Вот, значит, как?

Меня скручивает, стоит только о ней вспомнить, стоит мыслям повернуть в сторону Романовой, как внутри все закипать начинает. Вспоминаю, как говорила мне, что я ее недостойн. Не так сказала, но смысл я уловил. Понял. Принцесса не может быть с чудовищем. Не с таким, блядь, как я. Цепляет, конечно. Как бы мне ни хотелось, чтобы это было иначе, я действительно чувствую, как по венам кипящей ла-

вой растекается это осознание.

Я не наивный мальчик, прекрасно вижу себя в зеркале, но то, что недостойным меня воспринимает именно она, размывает. Не могу перестать об этом думать, как ни стараюсь отвлечься.

Встаю, чтобы привести себя в порядок, принять душ и позвонить парням. Сегодня, когда я буду в квартире Романовой, мне не нужен Ким. Я хочу полную свободу действий, стопроцентный доступ к ней. Хочу посмотреть в ее глаза и... что? Хрен знает. Просто хочу. Увидеть ее, посмотреть на то, как отреагирует, когда увидит меня такого. Чувствую себя мазохистом, но хочу знать, что в ее глазах будет отвращение. Я должен его там увидеть, чтобы окончательно убедиться, что сошел с ума и сохну по ней зря. Зря, блядь...

– И что я, по-твоему, должен сделать? – спрашивает Само, когда прошу его ликвидировать Кима.

– Придумай. Аську подключи.

– Мы не лучшие друзья, знаешь ли.

– Знаю. Короче... к девяти сделай так, чтобы у него не вышло поехать с нами.

– А я тебе тоже нужен?

– Обязательно. Будешь подружку ее фильтровать.

До вечера хожу на нервах. Пару раз порываюсь выпить. Хочется расслабиться. Без бухла за две недели чувствую себя неуверенно. Знаю, что к этой дряни привыкаешь, но все равно тянет к расслаблению. Держусь, отвлекаюсь, плаваю

около часа, занимаюсь в зале. Как только отец возвращается с моей будущей мамочкой, сваливаю из дома к парням. Само свою часть договоренностей выполнил, правда, не без помощи Фила. Они там вместе с Кимом где-то зависли, так что к Романовой ближе к десяти заваливаемся вместе с Самвелом.

У двери квартиры пасую, но ненадолго. Уже собираемся звонить, но кто-то вываливается изнутри, так что получается зайти без звонка. В просторной гостиной Романовой нет, зато сидят непонятные люди. Я процентов девяносто из присутствующих не знаю и уверен, что она тоже. Правда, подружку ее сразу вижу, как и она меня. Подпрыгивает и тут же спрашивает, зачем я пришел.

Романовой нет. Ее здесь, блядь, нет. Где она?

Стоять перед собранием непонятных студентов, которые еще и пялятся на меня, как на пришельца – удовольствие из малоприятных, поэтому отправляюсь в сторону дверей. Уверен, она в одной из комнат.

– Не пушу! – выдает ее подружка тихо.

Значит, направление я угадал. Отодвигаю ее в сторону и решительно открываю дверь, которую она так рьяно защищала. Взгляд сразу же находит Соню. За мгновение цепляется в большой комнате. Я практически ничего не вижу и не слышу, хотя осознаю, что какой-то шум ее подружка за моей спиной создает, а потом... тишина. Устрашающая и звенящая. Романова что-то выдает первой, точно что-то говорит, потому что ее губы шевелятся. Пухлые, манящие, я зависаю

на них. И на ее взгляде. Она смотрит на меня... удивленно. Без отвращения и неприязни. Где они? Где они, блядь?

Я их жду. Хочу увидеть, прочувствовать, чтобы возненавидеть ее еще больше.

– Кажется, ты не получал приглашения, – ее голос дрожит. Она меня боится. Я усмехаюсь.

– А что? Недовольна моим появлением? Или противно на меня смотреть?

– Я просто не приглашала. Где гости? Вы их выгнали?

– В гостиной шокированные сидят. Не каждый день, знаешь ли, видят такого уроды, как я.

Проверяю ее реакцию. Она... прикрывает глаза. Мне нужно увидеть написанное на ее лице отвращение. То, которое я видел в день, когда она уезжала.

Я слабо понимаю, что вообще делаю. Надвигаюсь на нее, становясь с каждым шагом все ближе и ближе. Иду, потому что не вижу ничего. Хочу убедиться, что ей противно на меня смотреть. Эти эмоции должны быть в ее взгляде, иначе... не сходится. Ничего не сходится с тем, что я слышал.

– Что ты делаешь? – ее голос звенит от напряжения.

– Ненавижу тебя.

Я хочу ее ненавидеть. Должен. Но вместо этого расстегиваю верхнюю пуговицу ее блузки и проталкиваю пальцы внутрь. От соприкосновения с ее горячей кожей коротит. Кипящие волны раскатываются по всему телу. Я глубоко втягиваю наэлектризованный воздух и полностью пропитываюсь

ее запахом. Он жжет мне легкие. Выжигает дотла то, что и так было сожжено.

– Так нельзя...

Мне плевать. Я, словно одержимый, дорвавшийся до дозы, трогаю ее. Прикасаюсь, ласкаю, возбуждаясь сам.

– Ты еще не поняла? Мне можно всё.

Несу что-то непонятное. Лишь бы говорить и не молчать. Слышать свой голос, который отрезвляет. Хоть немного отвлекает от Романовой. От ее блудских, светящихся желанием глаз, от ее пухлых губ. Я вдавливаю ее в себя. Прижимаюсь стоящим членом к низу ее живота и собираюсь поцеловать, но в последний момент меняю траекторию. Откуда-то возникает здравый смысл.

Какие, нахрен, поцелуи? Какие, к черту, соприкосновения с губами и нежности? Она назвала меня уродом. Кусаю ее за шею. Не больно, но ощутимо. Она вскрикивает и безуспешно пытается вырваться. Я собирался испортить этот вечер. Превратить его в кошмар, а вместо этого кошмаром становится наше столкновение.

– Ты мне кое-что задолжала, сестричка.

О да, мать вашу, она должна мне мою самооценку. Все то, что отобрала, когда сказала, что никогда не будет с таким, как я. Будет. Возражения не принимаются.

Глава 4

Соня

Я не знаю ни про какие долги, но не могу выйти из оценивания и сказать ему об этом. Стою словно вкопанная и не могу пошевелиться. Попутно позволяю ему себя трогать. Настойчиво, неистово, нахально. Ничего общего с нежностью его прикосновения не имеют, но я сгораю. Не могу его оттолкнуть, даже попросить не могу, чтобы прекратил. Все тело сковывает сладкой истомой.

– Ты мне, блядь, задолжала, – повторяет на выдохе в губы.

Не целует. Больше нет. И смотрит иначе. Жестче, яростнее, жарче. Там, в его взгляде, целая огненная буря. И меня в нее затягивает со всей силой. Не успеваю как-то среагировать – сталкиваюсь с вихрем. Пока он смотрит – тоже не отвожу взгляда. Так и стоим. Сердце работает в ускоренном ритме, я даже дышу шумно, потому что иначе мне не хватает воздуха.

– Не понимаю, – мямлю. – Что я должна?

– Себя, – отвечает почти сразу. – Ты мне должна себя, сталкер. Всю. Без остатка.

Про спор сразу же вспоминаю. Понимаю, о каком долге речь. Наверняка деньги проиграл ребятам, раз так и не смог в первом семестре предоставить “горячее” видео.

– Хочу это тело, – заявляет и бесцеремонно продолжает

меня лапоть.

Я так бы и не нашла в себе сил оттолкнуть его, если бы не шум за дверью. Я кое-как прихожу в себя и толкаю Тана в грудь. Он отступает, а затем дверь открывается. Человека, появившегося на пороге, я ждала в своей квартире меньше всего.

— Тан, и ты здесь? — буквально елеиным голосом поет Злата. — Как неожиданно! А мне девчонки сказали, что тут тусовка, и я решила заехать. Сонечка, мои поздравления. Подарок оставила на кухне, уверена, тебе понравится.

Она так по-хозяйски прилипает к Тану, что у меня пропадает дар речи. Я только и могу, что кивнуть и пулей вылететь из спальни.

В гостиной действительно все сидят немного в напряжении, но радуется, что никто никуда не ушел, значит, вечеринка продолжается. Прислушавшись к себе, понимаю, что не хочу, чтобы все расходились. Остаться наедине со своими мыслями — последнее, что мне сейчас нужно. Поэтому стараюсь вести себя непринужденно, беру свой бокал, отпиваю из него и улыбаюсь присутствующим. Стефы в гостиной нет, и поэтому мне не по себе. С ее поддержкой было бы намного легче.

Тан и Злата появляются в гостиной спустя пару минут. Я не хочу думать о том, что они там делали все это время, и надеюсь, что они уйдут, но, к сожалению, они размещаются в гостиной среди других гостей. Выставлять Тана за дверь не

собираюсь, так что упрямо делаю вид, что не замечаю его, хотя вижу. Все вижу. Как Злата от него практически не отлипает, как едва ли не в рот ему заглядывает, когда смотрит. Заставляю себя не акцентировать внимание, а сама сижу словно на иголках.

Стефа появляется в гостиной спустя где-то полчаса вместе с Само и сразу плюхается рядом со мной.

– Я честно не знала, что они придут. Даже не думала! – возмущается максимально тихо.

– Никто не знал.

Судя по реакции присутствующих, появление здесь Тана с друзьями и Златы с подругами – неожиданность, значит, узнали они не от тех, кто здесь.

– Они что, вместе? – спрашивает Стефа, а затем тут же ошарашенно округляет глаза. – Прости. А давай их выгоним? – тут же предлагает. – Выставим за дверь, это твоя квартира.

– Они мне не мешают, пускай сидят.

Признаваться, что они не дают мне покоя, не стану. Упрямо пью алкоголь из своего стакана и делаю вид, что все в порядке. Постепенно обстановка становится расслабленной. Девчонки снова начинают танцевать, но я к ним больше не присоединяюсь. Сажу с максимально ровной спиной в кресле. Все же казаться невозмутимой у меня не получается.

– Расслабься, – командует Стефа. – И не смотри на них. Пусть делают что хотят.

Не слушаю, конечно, тотчас поворачиваю голову в их сторону. К увиденному оказываюсь не готова. Злата целует Тана в шею. Облизывает его, как какой-то экспонат, а он... не отталкивает ее. Просто сидит, по его лицу даже непонятно, нравится ему или нет, но если бы не нравилось – оттолкнул бы. Наверняка да!

– Бабник, – тут же вставляет подруга. – Жаль, ты не знала, что он такой.

Я знала. Чувствовала, когда видела в его комнате девушку. Понимала, что Тан не обычный парень, что ему чужды такие понятия, как верность и любовь. Похоть – возможно. Ее он демонстрировал во всей красе и именно ею меня сразил. Глупую, наивную и ужасно неопытную. Знала бы я... знала бы, что из всего этого выйдет – ни за что бы не стала с ним...

Словно почувствовав мой взгляд, он поворачивается и смотрит прямо на меня. Задумчиво смотрит, с легкой ухмылкой на губах. Мне в какой-то момент начинает казаться, что Злата – демонстрация для меня, но потом я отбрасываю эту мысль и отворачиваюсь. Сомневаюсь, что мир кружится вокруг меня, и Тан встречается со Златой для меня. Конечно же, нет. Она ему нравится. Она ему подходит. Они из одного круга и теста. Она – подлая и решительная, ни перед чем не остановится, если чего-то хочет, а он... я думала, что он другой. Теперь считаю его таким же. Мне больше не кажется, что поведение Тана как-то зависит от его отца. Нет! Он

просто такой... жестокий и безразличный.

– Идем танцевать, хватит тут сидеть, – командует Стефа и поднимается с кресла. – Покажем им, что и без них неплохо.

Кому это “им”, решаю не уточнять и тоже поднимаюсь. В целом напряжение окончательно ушло, несмотря на присутствие Тана и Златы. Все развлекаются, и я тоже решаю быть естественной. Это моя вечеринка, ко мне пришли друзья, так что я могу расслабиться. Танцевать спокойно все же не получается, потому что я чувствую взгляд Тана. Не смотрю на него, но просто ощущаю, как по телу проскальзывают электрические импульсы.

– Классная вечеринка, – ко мне подходит кто-то из ребят.

Если не ошибаюсь, его зовут Игнат, и он учится в моей группе, но я могу ошибаться, потому что, к своему собственному стыду, до сих пор не знаю всех поименно.

– Спасибо, – отвечаю.

– Потанцуем?

– Твоя девушка не будет против?

– Я пришел один. Мне кто-то сказал, что ты устраиваешь вечеринку, и я решил, что это будет неплохим поводом с тобой познакомиться. Ты просто почти никогда никуда не ходишь, а я хотел к тебе подкатить.

– Зато честно, – улыбаюсь. – На самом деле, я не ищу пока отношений, так что...

– Хотя бы познакомимся, – настаивает парень.

Я не отказываюсь. Киваю и пожимаю протянутую им руку.

Мы отходим немного в сторону от танцпола, обмениваемся номерами. Меня отвлекает Стефа. Угощает сладостями, которые с собой притащили девчонки. Настроение улучшается, но ровно до того момента, пока я не замечаю, что Тана нет. И Игната, который подходил ко мне знакомиться, тоже не вижу среди присутствующих.

Глава 5

Соня

На улицу выбегаю в одном свитере. Я знаю, на что способен Тан, поэтому за ни в чем не виноватого человека переживаю. Стефа двигается следом за мной. Шокированная и не понимающая, что происходит. Я ей в двух словах объяснила, что Игнат пропал, но сделала это слишком сумбурно.

– Я не понимаю, – качает головой. – Мы парня с вечеринки ищем? Он тебе понравился или что?

– Его Тан увел! Они с Самвелом тоже пропали.

– Так мы ищем Тана?

Я лишь отмахиваюсь и рыскаю взглядом по двору. От страха сводит все внутренности, но я никого не вижу и ничего не слышу.

– Идем в дом, ушли они, наверное, – тянет за рукав Стефа.

– Давай еще на площадке за домом посмотрим, – предлагаю.

– Уверена, что туда стоит идти? – скептически спрашивает, всматриваясь в темноту.

– Идем. Там по вечерам максимум местные алкаши собираются.

– Максимум?! – в ужасе восклицает, но идет за мной.

Уже на подходе к площадке понимаю, что никого здесь нет. Слишком тихо. Даже как-то непривычно. Пятница, ве-

чер, обычно здесь и правда собираются мужики, чтобы спрятаться от жен и расслабиться, а сегодня – никого.

– Идем назад, – разворачиваюсь к Стефе, только вот вместо нее я врезаюсь в широкую мужскую грудь.

Сильные руки подхватывают меня за спину и не позволяют упасть. Я делаю глубокий вдох и тут же жалею, потому что знакомым запахом окутывает с ног до головы. Тан. Я пытаюсь его рассмотреть, но из-за крошечной темноты не вижу даже очертаний, зато слышу его шумное дыхание. Его грудь ходит ходуном то ли от злости, то ли от напряжения, то ли от столкновения со мной. Вот так сразу разобраться невозможно.

Пытаюсь отстраниться, но он не отпускает. Обнимает, прижимает к себе все крепче. Как на такое реагировать? Он пришел сюда с другой, а сейчас стоит, обнимает меня, словно имеет на это право.

– Отпусти.

– Как поняла, что это я? В темноте уродливого лица не видно.

– Кто еще может так нагло себя вести? – хмыкаю. – Отпусти, Тан, я не к тебе сюда пришла.

– А к кому? – тут же спрашивает. – Придурка этого ищешь, что к тебе подкатил?

– Где Игнат?

– Даже имя его запомнила. Быстро, однако...

– Где он, боже? Что ты с ним сделал?

– Я сделал? Зачем это мне? Мы с Само покурить вышли, видел просто, как он выбегал из подъезда.

Он все еще меня не отпускает. Так и стоим, дышим уже одним воздухом, так как ни миллиметра расстояния между нашими телами нет. Разве что губами не соприкасаемся, но дыхание горячим всплеском задевает мой висок. Обжигает, хоть я и стараюсь отклонять голову назад как можно сильнее.

– Ты подумала, что я из-за тебя его прессанул? – его насмешливый тон задевает за живое.

Подумала, да! А что я должна была думать? Он набросился на меня в спальне, а потом... так смотрел, словно я... ему принадлежу. Глупо, как же глупо с моей стороны.

– Я просто его искала, – нахожу слабое оправдание. – И где Стефа? Она шла за мной.

– Она вернулась почти сразу. Испугалась, видимо.

– Отпусти! Ну же, Стас!

Уже вырываюсь и от неожиданности едва не падаю, когда он размыкает руки. От переизбытка эмоций путаюсь и иду не в ту сторону.

– Собираешься кататься на качелях? – летит мне в спину. – Тогда хотя бы оденься, здесь холодно.

– Какое твое дело? – бросаю и раздраженно разворачиваюсь в нужную сторону.

Пролетаю мимо Тана, как разъяренная фурия. Так, в общем-то, себя внутренне и ощущаю. Пока иду к подъездной двери, корю себя за растерянность. Теперь Танский будет ду-

мать, что это он на меня так действует, что я обо всем забываю, но ведь... это не так! Я просто... дезориентирована в темноте. Не сразу поняла, куда идти.

– Соня!

Как только выхожу из темноты и попадаю в свет уличного фонаря, ко мне бросается Стефа. Чуть поодаль замечаю Само и, кивнув на него, спрашиваю:

– Он тебя задержал?

– Нет, я просто... испугалась! Там так темно было. Я замялась на долю секунды, а потом тебя позвала тихо-тихо, а ты не ответила.

– Я не слышала.

– Ты слишком быстро шла. Ты же знаешь, что я темноты боюсь, вот и не пошла за тобой. Там крошечная темень... бр-р-р-р...

– Поэтому ты меня одну отправила?

– Прости-прости, я не специально.

Злиться на подругу из-за таких мелочей не могу, потому что я тоже живой человек, и у меня есть страхи. После встречи с псом Кима я стала бояться больших собак, ну и врожденная боязнь высоты никуда не делась.

– Ты нашла Игната? – благо, Стефа спрашивает это шепотом.

– Тан сказал, он ушел домой.

– Тан? Ох...

Подруга смотрит куда-то за мою спину. Подозреваю, что

там появляется Тан, но не оборачиваюсь. Подхватываю Стефу под локоть и тащу к входу. Только когда заходим в теплую квартиру, осознаю, как сильно замерзла. Все же выходить на улицу в одном свитере в середине января – плохая идея даже для южного региона. Одесса хоть и считается одним из самых теплых городов, но даже здесь в это время года минусовая температура.

Я не оборачиваюсь, но четко знаю, что Тан и Самвел заходят в квартиру следом за нами. Я бы предпочла, чтобы они ушли домой. Со Златой, конечно же. Ни ее, ни ее подружек, которые посмели ко мне прикоснуться, когда я только поступила в университет, видеть в квартире не хочется, но и публично выставить их за дверь – только вызвать лишние вопросы у присутствующих, поэтому надеюсь, что они уйдут сами.

И действительно. Как только гости понемногу начинают расходиться, Злата тоже подрывается и тянет Тана. Я слежу за всем краем глаза. Надеюсь, они уйдут прямо сейчас вместе с остальными. Ждать этого приходится долго. Тан не сразу поднимается, и так выходит, что они покидают квартиру одними из последних. Остаются только Стефания и Маринка. Ника укатила с парнем еще час назад.

Мы быстро проводим уборку, генералим гостиную, я вызываю девчонкам такси и оплачиваю его. Это – единственные внеплановые траты, которые я себе позволяю. За помощь с уборкой помещения оплачиваю вызванным такси уровня

“комфорт”. Встречать машину выходим вместе. Я держу в руках телефон и осматриваюсь по сторонам. Водитель уже должен подъехать, но я не замечаю его автомобиль. Приходится позвонить. Оказывается, он заехал не с той стороны, поэтому приходится подождать еще немного. Хорошо, я надела пуховик, чтобы не мерзнуть.

Когда видим свет фар приближающейся машины, обнимаемся и прощаемся до понедельника.

– Я тебе еще позвоню завтра, может, увидимся, – говорит Стефа, и я быстро киваю.

Стою на улице, пока машина не выезжает со двора. Только потом направляюсь в подъезд. Лифт у нас в доме старенький, поэтому решаю подняться пешком. Не хотелось бы застрять сейчас и ждать специалистов.

О своем решении жалею на третьем этаже. Кроме своих шагов слышу еще чьи-то. То ли кто-то спускается, то ли поднимается – не разберу. Замираю на лестничной площадке перед четвертым этажом. На следующем нет освещения. Какой-то придурок выбил лампочку, и ее никак не поменяют. Жду, когда кто-то спустится или поднимется, но шаги замирают вместе со мной. Стою некоторое время и решаю, что мне показалось, но как только делаю несколько шагов, слышу шорох и срываюсь на бег. Вообще-то, я не трусиха, но сейчас почему-то страшно. Я одна, подружки уехали, соседи могут и не выйти.

Лестничную площадку четвертого не прохожу, а проле-

таю, но на первой же ступеньке меня тормозят. Сильная мужская рука перехватывает за талию и тянет на себя. На рот ложится тяжелая ладонь, поэтому я даже пискнуть не успеваю. Оказываюсь прижатой к сильному телу. Страх расплывается по всему телу, пока не слышу:

– Я же говорил, ты мне задолжала.

Глава 6

Соня

Как только понимаю, что нахожусь в безопасности, прекращаю брыкаться и вырываться. Место страха занимают раздражение и злость. Что он здесь делает? Для чего пришел и испугал меня? Замираю и жду, когда отпустит, но Тан лишь командует:

– Идем.

Не отпускает, нет. Даже руку, накрывающую мой рот, не убирает. Делаю шаг на ступеньку, он идет следом. Так и шагаем паровозиком. Если бы кто-то увидел нас со стороны, подумал бы, что с нами что-то не так.

Медленно добираемся до квартиры. Я не закрывала входную дверь, поэтому остается только дернуть ручку.

Внутри тоже заходим вместе, но дверь на ключ закрывает уже Тан. Сам. Я же просто стою и дышу носом. Пока поднимались, я успела успокоиться и сейчас просто стою. Замираю в ожидании.

Как только Тан убирает руку, вдыхаю воздух через рот, словно мне его не хватало. Пока прихожу в себя от недавно пережитого стресса, он разувается и проходит в квартиру так, словно просто пришел в гости. Оставляет меня в прихожей, а сам направляется в кухню, гремит посудой.

– Что ты делаешь? – спрашиваю, когда вхожу следом и ви-

жу, как он открывает тумбочку за тумбочкой и что-то ищет.

– У тебя есть кофе?

– Серьезно?! Ты до смерти испугал меня в подъезде, привел сюда, как заложницу, чтобы... просто попить кофе?

– Я собираюсь остаться.

– То есть... в смысле? Здесь?

– Да, здесь. Где этот чертов кофе?

Не выдерживаю его и своего напряжения. Подхожу к ящику стола, выдвигаю его и достаю ему несколько стиков кофе.

– Кто держит кофе рядом с ложками?

– Я.

Мне нужно время, чтобы переварить информацию о его желании остаться. Квартира большая, в бывшей родительской спальне есть дополнительная кровать, а моя комната закрывается на ключ, но я все равно не хочу, чтобы он был здесь. Не уверена, что смогу уснуть, зная, что через стенку спит он.

– Ты можешь выпить кофе и побыть здесь некоторое время, – предлагаю спокойно. – Но на ночь оставаться я тебе не разрешаю.

Не представляю, что мы останемся в квартире одни. Даже думать о таком не хочу. Тан не умеет держать себя в руках, а я не научилась отказывать. Ему – нет.

– Я не спрашиваю, – холодно рассекает тишину комнаты. – Я говорю, что остаюсь.

– Нет, ты не можешь...

Замолкаю, прибитая его тяжелым взглядом. Отворачиваюсь первой, не выдерживая. Не могу привыкнуть к тому, что его шрам теперь виден. Я столько раз хотела, чтобы он не стеснялся и открылся всем, а сейчас... мне страшно. Я не понимаю, почему сейчас. Почему, скрывая лицо столько времени, он сделал это теперь. Предпочитаю не думать о том, что это могли спровоцировать мои слова, брошенные перед отъездом.

Я сожалею о том, что сказала. Мои слова были резкими и безрассудными, они вырвались из меня в гневе, словно вулкан, который пробудился после длительного затишья. Сейчас понимаю, что не должна была. Стоило сказать правду, но тогда мною двигала обида, которую я чувствую и сейчас. Она преследует меня. Я пытаюсь не думать о том, что произошло, но не могу. Не могу не вспоминать то видео, что показала мне Злата.

– Ты не останешься! – говорю более резким тоном.

– И что же мне помешает? Ты?

– Да, я... пей кофе и уходи.

Я не смотрю на него, но слышу, как он усмехается, а затем абсолютно спокойно заливает растворимый кофе кипятком. Я вскидываю голову и врезаюсь в него взглядом. Вижу, как Тан берет чашку в руки и надвигается на меня. Останавливается совсем близко. Настолько, что я чувствую горячий пар, исходящий от напитка. Почему-то вспоминается то, как я принесла ему чай, а он... он сделал вид, что обольет меня.

Ошпарит кипятком. Отшагиваю, но он надвигается на меня, не позволяя увеличить расстояние. Мой сердечный ритм начинает сбиваться. Пульс ускоряется, разгоняется, дыхание сбивается.

– Я остаюсь здесь, – командует. – Хочется тебе или нет.

– Зачем?

– Потому что я так хочу.

– Хорошо, идем.

Разворачиваюсь и, не глядя, идет ли он следом, веду его в родительскую спальню.

– Можешь остаться здесь.

Я не хочу, чтобы он оставался, но спорить с ним у меня не получается. Тан абсолютно не идет на диалог, а выставить его насильно у меня точно не получится.

– Предлагаешь мне переночевать здесь? – ухмыляется, отпивая кофе.

– Есть диван в гостиной.

– Как насчет твоей кровати?

– Даже не мечтай!

– А что так? Раньше ты была вполне не против.

Руку, занесенную для пощечины, он останавливает прямо у своего лица. Перехватывает и сжимает. При этом такие эмоции на его лице ловлю, что автоматически тело охватывает дрожь. Осознаю, что Тан только что предотвратил.

– Боже... – выдыхаю.

Я пыталась его ударить. Снова. Так же, как и в прошлый

раз. Тогда он сказал, что я отлично вписываюсь в их семью. Наверное, и правда вписываюсь.

– Просто отстань от меня, – вырываю руку и выбегаю из комнаты на кухню.

Жду, что он пойдет следом, но Тан остается в комнате. Выравниваю дыхание, делаю себе травяной чай, который мне раньше всегда заваривала мама. Мы покупали его в соседней аптеке, куда я наведальась сразу после переезда. После нашей стычки меня все еще трясет, а еще страшно, что Тан в любой момент может выйти на кухню. Благо, он этого не делает. Остается там, куда я его отвела. Не травит душу своим присутствием и взглядами.

Когда в гостиной раздаются шаги, я готова бежать в свою комнату. Чудом остаюсь сидеть на том же месте, за столом. Убеждаю себя, что просто не буду с ним разговаривать, если он начнет, но Тан, когда заходит на кухню, молчит. Моет чашку и садится напротив. Не смотрит, нет, что-то печатает в телефоне.

Отлично...

Тоже сделаю вид, что не замечаю его. Допиваю чай уже в напряжении. Как бы себя ни убеждала, что его присутствие ничего не значит – это неправда. Значит. Воздух в кухне автоматически становится словно концентрированной. Хочется открыть окно, чтобы сделать глубокий вдох.

Не выдержав, встаю, высыпаю заварку в мусорку, мою чашку, кладу ее на место, а когда разворачиваюсь, едва не

вскрикиваю, потому что за моей спиной стоит Тан. Ни обойти его, ни оттолкнуть не выйдет, он кладет руки на столешницу по обе стороны и буквально прибивает меня к месту, отрезает пути к отступлению.

Глава 7

Тан

– Хочу спать с тобой! – озвучиваю свои мысли. – В одной кровати.

Я весь вечер за ней наблюдал. Время от времени ловил на себе ее взгляд и не понимал, почему она смотрит. Другие – понятно. Не привыкли еще к моей внешности, не знали, что скрывается за косой челкой, но Соня – знала. И видела в спальне. Уже видела, а все равно смотрела. Так, что член вставал не от Златы, что извивалась на моих коленях и с улыбкой победительницы что-то шептала на ухо, а от нее.

– Что? – выдает ошарашенно.

Я зажимаю ее у кухонной тумбочки. Не позволяю отойти или отстраниться. Прижимаюсь настолько, насколько могу. Чувствую, что одержим, блядь, чувствую. До сих пор ее хочу. Я не был монахом все это время. У меня была не только Злата, но и другие. Сколько точно – не посчитаю. Проблема в том, что ни от кого так не торкало.

Рядом с ней сносит крышу. Руки дрожат, стоит представить, что прямо сейчас буду ее касаться, буду трогать оголенную кожу, ласкать и слышать протяжные стоны, как раньше. Блядь, что бы она ни говорила, а она тоже все это чувствует. Наэлектризованный между нами воздух и это ошеломляющее притяжение, которому сложно сопротивляться.

– Сегодня, – говорю с нажимом. – Хочу спать с тобой. Не в той комнате.

Я готов держать язык за зубами. Я, мать вашу, готов наступить себе на глотку и быть в тени, если она согласится, если...

Рывком усаживаю ее на столешницу, не встречая никакого сопротивления – и мне срывает тормоза. Она меня не отталкивает, я с дрожью в пальцах поднимаю ее свитер и запускаю руки внутрь. Прикасаюсь к оголенной коже, и меня будто током простреливает. Разве что стон с губ не слетает, когда осознаю, что она не сопротивляется. Напротив, откидывается слегка назад, предлагая доступ к телу.

Херовые мысли лезут в голову. Унизительные. Она меня оттолкнула, указала на мой недостаток, выставила ничтожеством, а я... схожу с ума, когда ее вижу, когда вдыхаю ее запах, трогаю. Целую. У меня губы сводит, стоит подумать о том, что я могу ее поцеловать. Сейчас, блядь, прямо сейчас. Могу. Но не буду. Не стану.

Она назвала меня уродом. Я помню. Конечно, помню, такое не забывается. Я каждый день, каждый гребанный день смотрю на себя в зеркало и понимаю, что она права. Понимаю, убеждаю себя не таить обиду. Она сказала правду, не врала, в лоб выдала то, что думала, но как же, сука... больно? Мне – и больно? Самому смешно от таких мыслей. Самому непривычно то, что вообще думаю об этом, вспоминаю постоянно и анализирую.

– Тан, что ты делаешь? – до меня словно сквозь толщу воды долетает ее голос.

С трудом, но я его слышу, только на ответы нет сил. Все чувства сосредоточены на ней, на движениях моих рук на ее теле.

Что я делаю? Знать бы, знать...

Пока не оттолкнула, успеваю максимум. Расстегиваю лифчик, стаскиваю его с ее груди, прикасаюсь. Помню, как целовал ее грудь, помню ее вкус на своих губах, языке, во рту. Она вкусная, она, черт возьми, слишком вкусная. Невыносимо. Хочу сделать это снова, но торможу себя. Напоминаю, что нежности – за гранью. Нельзя этого допускать. Единственное, что себе позволяю – прикоснуться к ее шее.

С ума схожу, когда губы касаются нежной кожи. Ее вкус снова заполняет все рецепторы. Выбивает воздух из легких и мысли из головы. Я прикусываю ее шею, совсем не нежно, может, даже останется след. Лижу ее кожу языком, срывая с губ приглушенный стон.

Она дрожит. Всем телом подрагивает, когда все это с ней проделываю. Хочет, она по-прежнему меня хочет. Несмотря на то, что мне сказала.

– Посмотри на меня, – требую, отрывая губы от ее шеи.

Соня не спешит открывать глаза. Сидит с прикушенной зубами нижней губой. Соблазнительная, манящая, до боли в яйцах желанная.

– Смотри!

Она распахивает веки. Смотрит. С желанием. Жду пару мгновений. Жду, что прочитаю в ее глазах отвращение. Если я ей противен – где оно? Я неправильно считываю ее эмоции? Разучился понимать, когда нравлюсь девушке, а когда нет? Не понимаю, чему верить.

Сжимаю пальцами ее соски, не больно, но ощутимо. С ее губ срысывается выдох, и она снова прикрывает веки, хотя перед этим смотрела прямо на меня. Я схожу с ума рядом с ней. Помню, что она нетронутая. Помню, как о таком забыть, но сейчас готов наплевать на все и взять ее прямо тут. Все равно хотел забить на нежности. Забить на все.

Когда добираюсь до пуговицы на ее джинсах, Соня словно приходит в себя. Тормозит мой порыв, перехватывает руки, хоть и не может меня остановить. Я сильнее, настойчивее, мною движет животное желание ею обладать. Но я останавливаюсь. Никогда девушек насильно не брал.

– Просто закрой глаза, – говорю ей, понимая ее остановку по-своему. – Закрой и забудь.

– Я хочу поговорить, – выдвигает хрипло. – Задать тебе вопрос. Можно?

– Валяй.

– Когда я уезжала, я... кое-что нашла.

Она закусывает губу и трясется. Я с трудом сдерживаю себя, но жду, жду, что спросит.

– Я нашла видеокамеру. У себя в комнате. Ты ее туда поставил?

Впервые в жизни до меня доходит значение слова “фиа-ско”.

– Тан...

– Нет.

– Нет? – она хмурится, словно пытается понять. – Не ты?

Я, но ей об этом ни за что не признаюсь. Вру. Делаю вид, что вообще не знаю о существовании никакой камеры. Она не узнает, не узнает, что у меня есть наше видео. Что я, блядь, едва ли не каждый день его пересматриваю и... дrouchу. Как пацан, блядь, дrouchу, потому что хочу ее себе. Снова. Но я не скажу. Потому что она спросит зачем, а в таком, мать вашу, не признаются. Никогда.

– Нет? – переспрашивает. – В смысле...

– Нет, не я.

Вру, не испытывая угрызений совести.

– Ты врешь, – усмехается, больше никак не реагируя.

Только эта легкая усмешка. Какая-то дурацкая, словно блаженная, словно у нее даже не было сомнений. Никаких. Она уверена, уверена, что я.

– Здесь тоже... – хрипло выдает.

– Что?

– Здесь тоже поставил камеру?

– Что ты несешь?

– Ответь мне, – повышает голос. – Здесь тоже есть камера?

Тоже снимаешь то, что сейчас происходит?

Я от неожиданности ее даже отпускаю. Позволяю спрыг-

нуть и осмотреться.

– Где она? Ты снова снимаешь меня? Или нас? Где камера? На холодильнике?

– Снова, блядь... на холодильнике, – киваю, как китайский болванчик. По простонародному – идиот.

Накрывает противоречивыми эмоциями. С одной стороны – камеру действительно ставил я. Она догадалась, она знает, было дело. А с другой... Сейчас что? Что она ищет? Как она вообще обо мне думает? Что я законченный урод? В прямом, сука, смысле. В самом что ни на есть прямом... А может, так и есть?

Глава 8

Соня

Сжимая кулаки, наблюдаю за тем, как Тан рыскает по холодильнику, а затем со злостью выдает:

– Упала, видимо. Закатилась за холодильник. Найдешь – верни, ладно?

После этих слов он тут же направляется на выход, а я обнимаю себя за плечи и убеждаю стоять на месте. Ни в коем случае не идти за ним.

Лишь когда дверь с грохотом захлопывается, я отмираю, и напряжение покидает тело. Я соскальзываю на пол и сижу так некоторое время. Так много разных мыслей в голове в этот момент. Я цепляюсь за самые нейтральные, например, за предстоящую учебу, за поездку на кемпинг, о которой мы договорились с подругами, за необходимость искать работу. Но ни одна из этих мыслей в голове не задерживается.

Место им уступает произошедшее недавно. Я жалею, что спросила. Да, была обязана, я должна была узнать, кто поставил камеру, но... жалею, что спросила так рано. Я соскучилась. Очень сильно соскучилась по человеку, который снял меня на камеру. Я сразу поняла, что он врет. По напряженным рукам, по отсутствию удивления. Это было видно, я чувствовала. У меня с детства какое-то внутреннее чутье, когда мне врут. Я почти сразу это понимаю, особенно если знаю

человека дольше нескольких минут.

Тан мне врал. Я должна была это знать, но, черт, как же не хотелось спрашивать. Хотелось думать, что все по-настоящему. Снова.

Поднявшись с пола, иду закрывать дверь, а затем отправляюсь в кровать. Долго кручусь, не в силах уснуть. Меня терзают тревожные мысли. Я цепляюсь за них, словно упустила что-то важное, но никак не могу понять, что именно. Как итог, утром просыпаюсь разбитой, с темными кругами под глазами и слегка припухшим лицом. Душ, конечно, здорово помогает. А еще макияж, на который я трачу неприлично много времени. Поразительно, но я не испытываю угрызений совести по этому поводу. Сегодня у меня нет никаких планов, но хочется выглядеть красиво.

Когда заканчиваю, телефон оживает трелью звонка. У меня... почти ничего не екает. Я прекрасно знаю, что кроме подруг и мамы звонить некому, но после вчерашнего что-то во мне непроизвольно ломается. Легкий укол разочарования при виде номера матери ядом просачивается в кровь и достигает сердца.

– Сонечка, привет, – стоит мне поднять трубку, как голос мамы звучит оживленно и весело. – Какие на сегодня планы?

– Да, в общем-то... никаких. Собиралась на кофе.

– О, подождешь меня? Я уже собрана, попрошу водителя сейчас и приеду, хорошо? Вместе кофе попьем, поболтаем.

Пока мама тараторит, я вдруг вспоминаю, как мы вот так

раньше с ней сидели. В глубоком детстве, только тогда я пила теплый чай, а мама – свежесваренный кофе. Это было нашим своеобразным ритуалом, чтобы сблизиться и поболтать. Я понимаю это только с возрастом, а тогда мне просто нравилось проводить время вместе с мамой, пить чай и наслаждаться сладким печеньем.

– Хорошо, я буду ждать.

Мама действительно приезжает быстро. Новый звонок от нее поступает минут через двадцать.

– Мы подъехали. Спустишься?

– А ты... не будешь подниматься? – удивленно спрашиваю.

Почему-то я думала, что маме захочется посмотреть, как я устроилась в новой квартире. Пускай мама знает, как здесь все обустроено, но ведь что может быть важнее, чем посмотреть на жизнь дочери?

– Не буду, малыш. Я что-то замерзла. Собиралась быстро, выбежала без шубы, только шаль набросила.

– Ладно. Я спущусь.

Закрыв квартиру, быстро сбегая по лестнице и выхожу из подъезда. Черный внедорожник, привлекающий к себе внимание блеском и богатством – редкость в нашем дворе, поэтому я безошибочно шагаю к нему. Не успеваю дойти, как дверца заднего сиденья открывается, и оттуда выглядывает мама.

– Залезай скорее, холодно.

Я быстро запрыгиваю в салон, коротко киваю водителю, хотя ему, судя по всему, вообще наплевать, что в машине теперь не только хозяйка, но и ее дочь. Стоит мне захлопнуть дверцу, как мама сжимает меня в объятиях. С силой прижимает к себе и говорит, что соскучилась.

– Ты не приезжаешь, – говорит обиженно. – Были выходные, новогодние праздники, а ты так и не приехала.

– Прости, я... с друзьями была.

– Ох уж эта молодость! – восклицает и обращается уже к водителю: – Давай-ка в “Мэдисон”, Рома.

Это кафе я прекрасно знаю, оно находится в центре. Мы пару раз там гуляли с девчонками после университета, но я думала, что мы поедem в “Штрудель” – здесь, неподалеку. Раньше мы часто ходили туда в выходные дни, я думала, мы с мамой повторим эту привычку, но не решаюсь предложить, когда она выбирает “Мэдисон”. В дороге едем молча. У мамы выходной, но даже сейчас она в работе, перезванивает кому-то, требует проследить, чтобы все сделали, как нужно.

– Слава богу, здесь свободный столик, – говорит мама, когда добираемся к “Мэдисон”. – Обычно в воскресенье здесь не протолкнуться. Нам повезло.

– Угу.

– Ты чем-то расстроена? Выглядишь подавленно. И словно не выспалась. Макияж сделала.

– У тебя тоже макияж, – замечаю.

– У меня возраст, – смеется мама. – Дорастешь до сорока

трех, поймешь, что без макияжа почти никуда.

– Ты у меня и так красива, – делаю маме комплимент.

Я совсем не вру. Мама у меня очень красивая, и никакой макияж в ее случае вовсе не обязателен. Как только мы переехали, она стала выглядеть лучше. У нее вдруг появился личный косметолог, массажист, тренер и еще бог знает сколько специалистов. Отсюда и ухоженность, красота, сияние. Перед отъездом мне показалось, что мама подавлена, а сейчас она улыбается и буквально светится счастьем.

– Я увольняюсь, – сообщает, когда нам приносят наш заказ.

Мне – карамельный латте с орешками и небольшой эклер, а маме – капучино без сахара. Сладкое она упрямо не ест, хотя раньше могла себе позволить такой же десерт.

– Неожиданно, – говорю с улыбкой.

На самом деле я рада за маму. В последние годы она была единственным человеком, кто работал и тащил на себе всю семью. Отец не мог работать из-за болезни, а я – потому что была несовершеннолетней. Мне давно хотелось видеть ее такой же счастливой, как сейчас. Кажется, я понимаю причину ее солнечного настроения. Она наконец-то может уделить время себе и не думать о постоянной работе.

– Мы заканчиваем последние дела, и все. Со следующей недели я уйду в долгий отпуск.

– Поздравляю. Ты же рада? – переспрашиваю, замечая, как тяжело мама вздыхает.

– Да, просто... есть кое-что еще, что я хочу тебе рассказать.

– Что же?

Мысленно уже рисую себе возможные причины разговора. Начиная от отъезда в другую страну и заканчивая серьезной болезнью.

– Я беременна, – мама прикусывает губу, словно нервничает. – Помнишь, я уезжала? Я была не в отпуске, а в больнице на сохранении. У меня была угроза прерывания беременности, и... мы тогда с Богданом решили вам не говорить, не знали, чем закончится.

– Ох... получается... ты выходишь замуж, потому что узнала о беременности?

– Нет, Богдан сделал предложение до того, как мы поняли, что у нас будет совместный ребенок.

– Понятно. Поздравляю, – нахожусь после паузы.

На самом деле – я в шоке. Я уже довольно взрослая, а мама, насколько мне известно, никогда не хотела второго ребенка. Папа неоднократно заводил разговор о сыне, а я хотела сестричку, но мама всегда отвечала категорическим отказом, а тут... беременность, и судя по счастливому лицу, желанная.

– Мы хотели сообщить вам со Стасом вместе, но так как ни ты, ни он не горите желанием собираться с родителями, я решила поговорить с тобой сама.

Я пока не знаю, как реагировать. Прячу эмоции в стакане

с латте. Лет пятнадцать назад я действительно хотела себе сестру или брата. Желательно, конечно, старшего, хотя тогда была согласна на кого угодно, но родители не спешили, а теперь... мне безразлично. Я, наверное, рада за маму, но прекрасно понимаю, что мы с братом или сестричкой не станем лучшими друзьями, не будем вместе гулять, веселиться, играть. У меня будет своя семья, когда он или она вырастут.

– Скажи, что не расстроена, – просит мама севшим голосом. – Хотя бы ты...

– Конечно, нет, все в порядке. А Богдан Петрович, он... рад?

– Он очень рад. Я... боюсь реакции его сына. Опасаюсь, что она может быть неадекватной, и... он может навредить мне и ребенку. Сонь, – мама прикасается к моей руке. – Ты говорила, вы неплохо ладите. Он на такое способен?

Раньше бы я с уверенностью ответила отрицательно, а сейчас даже не знаю, на что на самом деле готов Тан. После того, как он вчера напугал меня до полусмерти – не удивлюсь, если такой трюк он проделает и с мамой. Почему-то от этого становится очень страшно.

– Я так и знала, что нельзя ему доверять! – восклицает мама, не получив ответа. – Мы с Богданом обсуждаем его отправку в военное училище. Он, конечно, показывает неплохие результаты обучения в этом университете, но дисциплина, – мама закатывает глаза. – Богдан не может с ним справиться, и я предложила такой вариант. Отправить его хотя

бы на полгода.

– Уверена, что парню, которому не хватает внимания отца, нужно закрытое военное училище, мама?

– Не знаю я, – вздыхает. – Но очень сильно хочу, чтобы до родов он жил отдельно. Я его... боюсь.

– Он не так страшен, мама. Сомневаюсь, что, узнав о твоей беременности, он будет творить тебе пакости. Просто ты... боишься после больницы.

– Ты права, – говорит мама. – Но училище мы все же рассмотрим. Или пускай Богдан отправит его жить на квартиру.

Я снова прячусь за стаканом латте. С одной стороны – я понимаю маму, а с другой – мне обидно за Тана, ведь его отцу совершенно на него наплевать, а судя по тому, что я ни разу не видела и не слышала о его матери, ей наплевать точно так же.

– Сонь... может, ты попробуешь с ним поговорить? Вы неплохо ладите.

– Хочешь, чтобы я ему рассказала о твоей беременности?

– Нет, попроси его хотя бы поговорить с нами, он же... посылает и меня и Бодю, как только мы к нему обращаемся. Попробуешь?

– Хорошо, я скажу ему.

Согласие дается мне с трудом. Понятия не имею, как после всего я буду разговаривать с Таном. Вообще-то, я надеялась сделать вид, что мы друг друга не перевариваем, а поэтому и не общаемся. Это тогда, когда нам придется столк-

нуться. В остальное время я хотела просто не попадаться ему на глаза.

Глава 9

Тан

– Так что с впиской? – спрашиваю у Филя. – В силе?

– Да. В пять собираемся в моем загородном доме. Привозите все, как обычно.

– Ты со мной? – интересуюсь уже у Кима.

Он только мотает головой и смотрит хмуро. Не может простить мне тот день, когда я ринулся к Соне на квартиру, а его отвлек. Может, и в этот раз думает, что собираюсь отвезти его за город и свалить к ней? Да только нихера подобного больше не будет. Прошли этот этап, забыли. Не хочу больше. Уверен, что нет.

– Чего так? – спрашиваю. – Аська не поедет?

– Я не знаю.

– А ты спроси. Если что – наберешь.

– Ладно.

При упоминании Аси, вижу, уже не так уверен и категоричен в своем решении. Усмехаюсь. Даже интересно теперь, получится у них что-то или нет.

– Стас...

Я так резко торможу, что мои кроссы при трении об пол издают противнейший писк, разносящийся по периметру коридора. Романову, стоящую за дверью, я не заметил. Прошел мимо, а она меня увидела. Зовет вот теперь зачем-то.

– Чего? – поворачиваюсь к ней.

– Мне... нужно с тобой поговорить.

Неожиданно, конечно. Я даже подумываю послать ее... на хер, например. Или куда подальше. О чем будем разговаривать? Камеру снова поищем?

– Нашла камеру? – хмыкаю. – Если что, я не веду сейчас видеорепортаж, так что доказательств нашего разговора не будет.

– Стас...

– Тан. Будешь звать иначе – никакого разговора не будет.

– Хорошо, Тан. Пожалуйста. Мы можем поговорить наедине?

– Идем.

Тащу ее на улицу, в свою тачку. Лучшего места для разговора в принципе не найти. Дверцы захлопнули – и вот тебе пространство, где никто ничего не услышит. Если наедине, то только там. Ну и опять же... слышать не будут, зато смогут увидеть. Идеально, чтобы не съехать с катушек и не полезть к Романовой. Я, конечно, задвинул эти мысли куда подальше, но ладони при виде нее так и чешутся, а мозги медленно превращаются в кашу, словно там, в голове, запустился миксер пока еще на маленьких оборотах.

– Что за разговор? – бросаю равнодушно.

– Ты должен поговорить с родителями. Мама просила, чтобы ты...

– Стоп-стоп, что? – останавливаю ее на порыве.

Должен? Я, блядь, с восемнадцати никому нихера не должен. Даже отец это слово давно не использует, а она так просто заталкивает, будто я тут с открытой нараспашку душой сижу.

– Мама просила, чтобы ты поговорил с ними. Они... хотят кое-что сказать.

– Я нихера никому не должен. Это раз. Хотят сказать – пусть говорят, в чем проблема?

– Они... тебе так сложно уделить пять минут, посидеть за столом и послушать, что скажет моя мама?

– Мне тебя слушать сложно, сталкер. Так и хочется сжать руку вокруг шеи и случайно не сдержаться.

Она в ужасе распахивает глаза. Да, детка, я умею быть मु-даком. Особенно когда трезвый. Особенно когда ты меня таким считаешь. А как, мать его, иначе? Показать, что до сих пор ее хочу? Правда ведь хочу. Так сильно, что зубы сводит и руки уже онемели от сжатых кулаков.

– Вдруг я не сдержусь и сожму руки на шее твоей матери, м?

– Ты не посмеешь! – восклицает и поворачивается ко мне. Впервые с того момента, как сели в машину, смотрит на меня. Разгневанно, недовольно, словно разъяренная фурия.

– Не трожь мою маму, слышишь?

– И что мне за это будет?

Наклоняюсь к ней. Упиваюсь ее растерянностью и беззащитностью. Думаю, что наказываю ее, на самом же деле –

себя. Были бы сейчас в другом месте – она наверняка бы уже лежала, а я терял голову, но здесь – нет. В институте она неделю была для меня пустым местом. Ничего не значащей сводной сестрой. Я не могу ее трогать, но, как сумасшедший, вдыхаю ее запах. Дышу им полной грудью, продлеваю агонию в надежде, что все закончится.

– Тебе это нравится? Издеваться над людьми? Ты получаешь удовольствие?

– Нравится, – повторяю за ней.

– Оставь мою маму в покое, она... не заслужила! – восклицает и хватается за ручку двери, чтобы выйти.

Не отпускаю. Дергаю за локоть на себя.

– Что мне за это будет, сталкер, м? Что мне будет за то, что я не стану делать того, что мне нравится?

– Ты... чего-то хочешь?

– Хочу... тебя. Подумай.

Отпускаю ее. Она тут же выбегает из машины как ошпаренная. Я же... остаюсь сидеть на месте. Прихожу в себя, жду, пока член в штанах прекратит таранить ширинку, и тоже выхожу.

На парах о сказанном упорно жалею. Стараюсь отогнать подобные мысли. Я – и сожаление? Что за бред вообще? Но они упрямо лезут в голову. Я однозначно сказал лишнего. На что инфузория готова ради матери? Уверен, на многое... А я? Я готов взять то, что она предложит? Если предложит! Смогу устоять и отказаться?

– Тан, – Само толкает меня в бок.

– Чего?

– Помнишь того дрыща с вечеринки Романовой?

Делаю вид, что вспоминаю, хотя, конечно, помню. Как его грабли пытались обнять ее за талию – до сих пор из головы не вылезает.

– Ну тот, с которым мы потом разговаривали.

– И?

– Он, кажется, бессмертный.

– А чо так?

– Да... парни говорят, к Романовой сегодня собирается.
У них вроде как после вечеринки отношения намечаются.

– И чо? – пристально всматриваюсь в лицо Само.

Нахер мне эта информация? Я же сказал – ничего о ней знать не хочу.

– Да ниче, просто рассказываю.

– Просто... все у тебя, мать твою, просто. Она не против?

– Чего?

– Романова не против?

– Вроде как нет – сама пригласила.

– Ну и супер. Ну и заебись.

Сама пригласила. Как сдержаться и не переломать ему ноги? Как... не сорваться вечером и не поехать проверять, правда это или он наврал, чтобы понтануться перед друзьями?

Окончания пары не дожидаясь. Срываюсь с места и под

удивленный возглас препода покидаю аудиторию. Еду домой раньше запланированного. Собираюсь к Филу на дачу пораньше. Похер, если там никого не окажется. Поброжу по окрестностям. Лучше так, подальше от города, чтобы не сорваться.

Как только возвращаюсь, понимаю, что все в сборе. Захожу в дом и тут же попадаю в поле зрения своего отца и матери Романовой.

– Здрасте!

Собираюсь, как обычно, свалить к себе, но ее мать ко мне неожиданно лезет. Просит поговорить. И я останавливаюсь. Не игнорю, как это обычно бывает, а торможу – чтобы что?.. Послушать? Быть такого не может!

– Можем присесть? – просит, кивая на диван.

Как только садимся, выдаю:

– Валяйте. Даже интересно, что кроме женитьбы вы придумали?

– Я...

– Подожди, – отец тормозит порыв Натальи, а затем поворачивается ко мне и сообщает: – Я договорился с ректором – тебе дадут отсрочку от обучения.

– Не понял.

– Богдан, – Наталья дергает будущего мужа за руку, но он отмахивается от нее, как от назойливой мухи.

Удивлен тому, что она это терпит. Неужели из-за бабок? Даже удивительно, какие дочь и мать разные.

– А что ты не понял? Я предупреждал, что ты меня доведешь. Со следующей недели тебя ждут в столице. В военном училище. Пора выбивать из тебя дурь.

Усмехаюсь и встаю. Что-то такое отец и правда говорил, да. Кто ж знал, что ради новой бабы отправит сына подальше.

– Из себя выбей, – предлагаю ему с вызовом. – И на хуй иди со своим училищем.

Что он там кричит мне вслед – не слушаю. Закрываюсь в своей комнате и, схватив сумку, собираю вещи. Окончательно. Не вернусь сюда никогда больше. Пусть, вон, подстилку свою строит как его душе угодно.

Из дома, к удивлению, выхожу беспрепятственно. Сажусь в машину, хлопаю дверцей и думаю, где перекантоваться. До понедельника у Филя на даче, а дальше посмотрим, правда, как только выезжаю на трассу, сворачиваю вовсе не к выезду из города. Еду по какой-то причине к Романовой. Неужели и правда сегодня пригласила этого дрыща к себе?

Глава 10

Тан

Я едва не пропустил этого дрыща, который сообщил всему универу, что собирается навестить Романову. Он вылезает из машины такси с шашечками. Сука, где он в нашем городе откопал такую убогую тачку с шашечками – загадка. Семь-два-семь позвонил, что ли, хотя и у них, кажется, такого уродства уже нет. Машина уезжает, а дрыщ направляется к подъездной двери. С цветочками, мать их, и каким-то пакетом. Презервативы у него там, что ли?

Первый порыв – зашагать следом, но я сжимаю руки на руле крепче и держусь. Никуда я, нахер, не пойду. Однако когда он не возвращается через десять минут, выхожу из машины. Иду и возвращаюсь за сумкой. Перебрасываю ее через плечо и шагаю к подъездной двери. На этаж взбираюсь за минуту, перепрыгивая сразу через две ступеньки. У дверного звонка меня клинит. Как вдавил кнопку, так ее и не отпускаю, пока дверь не открывается. На пороге – Игнат.

Смотрит на меня удивленно. Чему удивляется – непонятно. Я ему в прошлый раз популярно объяснил, что лезть к Соне – херовейшая идея. По тому, как быстро он тогда покидал вечеринку, сделал выводы, что проблем с ним не будет. Ошибся. Проблема есть. Стоит на пороге, хлопает глазами. В какой-то момент думаю, что он сейчас захлопнет дверь и

будет убеждать Романову, что там – продавец пылесосов.

А вот хера с два!

Толкаю его плечом и прохожу в коридор. Почти сразу же натываюсь на ошалевший взгляд Романовой. Она стоит посреди коридора, сложила руки на груди и смотрит на меня.

– Здорово, – выдаю.

– Тан?

– Ага, он самый.

Швыряю сумку ей в ноги и прохожу в квартиру. Слышу хлопок двери за спиной, какой-то шепот. Блядь, пусть скорее шагают сюда, иначе этот подстреленный спустится с лестницы не на своих двоих.

В гостиную ко мне Романова идет не одна. С этим задротом, который, кажется, вспоминает все, что я ему не так давно сказал.

– Где я буду спать? – спрашиваю нахально.

Так, будто мы с Романовой заранее договорились о том, что я у нее перекантуюсь, только это ни хера не так. Мы вообще об этом не говорили. Я до последнего не думал, что приду к ней внаглую, да и не собирался. Я, вообще-то, ее забываю. Из головы выбрасываю нахрен, потому что ее присутствие там сильно лишнее. Ненужное, я бы даже сказал. Идеальные девочки не встречаются с мудаками. А с такими додиками, как за ее спиной – да. Вот руки чешутся его спустить с лестницы.

– Спать?

Как его там зовут? Ибанат?

– Игнат, я...

А, вот оно – имя. Почти угадал. На пару букв ошибся, хотя, уверен, ошибся не я, а его родители, или же баба в отделе регистрации двадцать лет назад.

– Спать, да. Соня любезно предложила брату свою скромную обитель, – не позволяю Романовой опровергнуть сказанные слова. – У нас с батей контры, а у Сони своя квартирка. С двумя комнатами к тому же.

Его полный разочарования взгляд отражает вселенскую муку. Да, не выйдет у них сегодня ничего. Да и вообще не выйдет. Как только дотянусь – у него всякое желание пропадет к Романовой подходить, не то что приезжать к ней домой на уебищной тачке.

– Мне, наверное, пора, – сообщает он, улавливая мое настроение.

Уверен, что он не идиот. Это Соня может делать вид, что ей безразлично мое присутствие, а он – нет. Бежит, как крыса с тонущего корабля.

Дожидаюсь, пока она закроет за ним дверь. И жду, когда Соня вернется в гостиную, чтобы поговорить. Она приходит, правда, с моей сумкой. Как только ее подняла – не представляю, а ведь она ее еще и швыряет в меня со словами:

– Вали отсюда! Я тебя не приглашала.

– Фу, как грубо, сестричка. Не пустишь пожить? Раз уж настаивала на общении с отцом.

Пока ехал сюда, успел охуеть от ее умения строить из себя святую простоту. Невинность из нее так и перла, когда она распиналась и просила меня поговорить с родителями. Военка – вот это их важное заявление? Так она планировала от меня избавиться? Отправить на хер за пятьсот километров и радоваться жизни в обнимку с этим?

– Вы поссорились?

– Насколько я могу судить о последствиях нашего разговора – да, именно.

А еще со следующей недели меня вроде как отчислили. Приостановили в учебе, но так как повиноваться и отправляться хер знает куда я не планирую, то вопрос отчисления – временный. Отчалить придется в любом случае.

– Не понимаю, – восклицает. – Тебе так сложно порадоваться за родителей?

– Пиздец как сложно. Кстати, что надумала? Я, так-то, мать твою в покое оставил – к тебе вот переехал.

– Ты не будешь здесь жить!

– А где мне жить? Не дома же! Там твоя мама, а я обещал ее не трогать. Возможно, через недельку-вторую к ней с цветами поеду. Так ты представляла, что ее приму?

– Какой же ты...

– Какой есть. Так где мне спать? В той комнате, что ты в прошлый раз показала?

– Здесь, – огрызается. – Все равно ты тут надолго не удержишься.

– Сдашь меня отцу – я превращу твою жизнь в ад, даже если буду отсутствовать в универе. Так что советую делать вид, что ты не знаешь о моем местоположении.

Соня не отвечает. Разворачивается и через мгновение скрывается за дверью комнаты, в которой я ее нашел в первый день. Слышу, как поворачивается защелка, и ухмыляюсь. Закрылась. Интересно, сколько там просидеть собирается? Нам, так-то, ближе к восьми на вписку. Поташу ее с собой, пускай под присмотром будет, а то вернуться не успею – упакуют и насильно отвезут в военку. Вообще, я не против. Отслужить, отдать долг стране. Я не трус, так-то, но, блядь, у меня были планы на обучение. На достижение поставленных целей, а эта сука... уверен, все это – с ее подачи.

До появления матери Романовой мы с отцом и не так срались. И не такие конфликты у нас были, а тут едва ли не на ровном месте сразу решил отправить меня в столицу. На несколько лет. Похерить мне то, о чем я мечтал. С ее подачи... Соня слилась сама, а меня решили – насильно. Сказали бы – я с удовольствием свалил бы на квартиру, нахера все мечты получить образование и нормальную работу рушить? Универ – единственное, что мне удовольствие приносило. И прощать его потерю этой твари я не буду. При первой возможности – она пожалеет.

Дождаться Романову из комнаты приходится долго. Она в семь выплывает и кривится, когда видит меня на диване. На прежнем месте.

– Предлагаю заключить перемирие на время совместного проживания.

Она мои слова игнорирует. Идет на кухню, даже не глядя. За ней следую.

– Эй, – подхватываю ее за локоть.

– Предлагаю тебе сделать вид, что тебя здесь нет. Это лучше перемирия, не правда ли? И да, если ты останешься – у меня пара требований.

– Каких же?

– Никаких камер...

С одной стороны – справедливо, а с другой – ломает и провоцирует ответную реакцию.

– Ни одной? Даже самой маленькой? Я планировал в душе поставить и снимать. Знаешь, сколько можно заработать?

Ее глаза в ужасе распахиваются, а потом мне кажется, что я вижу в них слезы, но она отворачивается.

– Я серьезно. Иначе придется рассказать родителям, где ты.

– Справедливо. Никаких съемок в обмен на конфиденциальность.

– Именно.

– Ты сможешь быстро собраться?

– Куда?

– В одно место поедем – тебе понравится.

– Я собираюсь спать.

– Я не спрашиваю.

– А я не собираюсь ехать.

– Я могу и заставить. Силой. Брось, соглашайся. Ничего страшного не случится.

Вру, конечно. Вписки Филя – это абсолютная аморальность и стопроцентный вайб секса. Зато там точно не будет этого университетского дрыща.

Глава 11

Соня

В машине Тана пахнет никотином и почему-то клубникой. Мы едем минут двадцать, и все это время я пытаюсь понять, откуда исходит запах ягод. Осматриваюсь, принохиваюсь сначала к двери, затем к заднему сиденью, к Тану, хотя это точно не от него. В квартире, откуда мы уехали, этого запаха не осталось.

– Что с тобой не так? – хмуро спрашивает, когда останавливаемся на светофоре.

– В смысле?

– Дергаешься. Это отвлекает.

– Я просто...

Пытаюсь определить, откуда в твоей машине клубничный запах? Какой бред. Даже озвучивать такое не стану.

– Можно я сяду назад? – выдаю первое пришедшее на ум объяснение.

– Нет.

– Понятно.

Дальше вертеться перестаю, но не могу избавиться от мыслей. Что это за запах? Он явно не принадлежит Тану. Я в этом почему-то уверена. Уж слишком он... девчачий. Спросить не решаюсь. Если окажется, что это духи Златы – не уверена, что доеду к месту назначения. Интересно, она там

будет? Должна, если они с Таном встречаются. Непонятно, правда, что делать мне. Я даже не знаю, куда мы едем. Тан ответил обтекаемо, сказал что-то про вечеринку и что останемся там на ночь, так что я взяла пижаму, собственное полотенце, зубную щетку. Бросив взгляд на мою рюкзак, Тан лишь закатил глаза, но ничего не сказал.

Когда останавливаемся у высоких кованых ворот, понимаю, что мы приехали. Прибыли в пункт назначения. Ворота разъезжаются, и мы попадаем на огромную территорию, заставленную автомобилями разных марок и цветов. Здесь по меньшей мере двадцать машин. В центре стоит огромный дом, из которого доносится громкая музыка. Хотя окна и зашторены, видно, что в них горит свет.

– Чей это дом? – впервые с момента, как мы выехали, сама обращаюсь к Стасу.

– Фила. Родителей его. Мы часто тут тусим.

– И они не против?

– А должны? – хмыкает.

– А если что-то сломается?

– Вряд ли.

Уточнить, что он имеет в виду, не позволяет шумная компания, вываливающаяся из дома. Узнаю всех по внешности – они учатся в нашем университете. В центре раскрасневшийся и улыбающийся Самвел.

– Тан! – восклицает при виде нас. – Мы думали, ты уже не приедешь.

– Поэтому обрывали мне телефон звонками? – хмыкает Тан в ответ. – Че у вас тут?

– Не очень прилично, если ты об этом.

– Понятно. Держись ближе, – командует уже мне.

Когда заходим в дом, возникает острое желание его покинуть. Выйти и сделать вид, что ничего я здесь не видела и вообще сюда не приходила. К сожалению, врезавшиеся намертво в воспоминания образы и картинки вряд ли оттуда когда-либо уйдут. Тан, судя по абсолютно спокойному выражению лица, видит такое не впервые. Я уже собираюсь потащить его за рукав, когда замечаю рядом со столом, на котором стоят бутылки с алкоголем и стаканчики, знакомый силуэт.

– Стефа?!

Я не знаю, какие чувства испытываю больше. Удивление, стыд, смятение или ужас. Наверное, все вместе. Когда подруга оборачивается, вижу в ее взгляде отражение своих чувств. Она при виде меня испытывает то же самое.

– Стой здесь, – Тан продолжает раздавать приказы так, словно имеет на это право. – Я вернусь через минуту.

– Ты... как здесь оказалась? – первой прихожу в себя.

Стефания отводит взгляд, словно не хочет говорить, что с ней бывает редко.

– Господи, что это вообще за место?

– Такие вечеринки Фил устраивает раз в... месяц.

– И ты здесь постоянно бываешь? – в ужасе распахиваю

глаза.

Для меня вечеринка, где пары открыто проявляют свою любовь, похожа на оргию. И пускай ничем таким они не занимаются – всего лишь целуются и трогают друг друга, – мне не по себе.

– Второй раз, – объясняет Стефа. – Впервые была еще в прошлом году.

– Ты мне не рассказывала! – как ни стараюсь, а голос все равно звучит с налетом упрека.

Не то чтобы я хотела знать об этом собрании или, не дай боже, на нем присутствовать, но я думала, что мы делимся всем.

– Я тебе все расскажу, хорошо? Позже.

– Ты здесь одна?

– Я тут... с Самвелом. А ты? Как ты здесь оказалась?

– С Таном, – пожимаю плечами. – Это долго объяснять. У меня... не было выбора.

На самом деле он был. Тан поставил меня перед фактом. Или мы едем на вечеринку, или он нагло забирается ко мне в комнату и спит со мной в одной кровати. Я такого допустить не могла, поэтому согласилась на поездку.

– Держи, – Стас возвращается позже, чем через минуту, и протягивает мне стакан с прозрачной жидкостью.

– Это что?

– Шампанское.

Тан бесцеремонно пихает стакан мне в руки.

– Я не буду пить.

– Зря. Советую выпить.

– Но...

– Он прав, Сонь, – вступает в разговор Стефа. – Бокальчик – для настроения. Потом можно будет потанцевать. Потусим, раз уже вместе здесь оказались. Я думала, буду здесь одна весь вечер стоять.

Я думала точно так же, поэтому появлению подруги обрадовалась, но пить не хочу. Ставлю бокал туда, где стоят другие напитки, и стараюсь держаться поближе к Стефе. Осматриваю помещение. Кроме нескольких парочек, которые открыто демонстрируют сексуальное желание друг к другу, ничего странного на вечеринке нет. Девушки танцуют, парни о чем-то разговаривают. Здесь почти все из университета, есть несколько человек, которых я не знаю, и Златы среди присутствующих тоже не наблюдаю.

– Держись у меня на виду, с парнями не знакомься, с девушками, кстати, лучше тоже, – командует Тан. – Я буду с парнями. Если что – громко кричи.

– Если что?

Мой вопрос, естественно, пропадает в громко играющей музыке. Тан его не слышит, потому что отходит и направляется к парням. Зато слышит Стефа и советует не обращать внимания.

– Здесь нормально, все дружные, на выпивке никто не настаивает, но с парнями и правда лучше не говори, хотя они

и не станут. Все видели, с кем ты приехала.

Стоять в стороне и говорить со Стефой весь вечер не получается. Когда появляется Самвел, она меня покидает и идет к нему. Он по-хозяйски берет ее за руку и приглашает на танец. Я же... стою в стороне. Тан и не думает отвлекаться от разговора с парнями, но на меня время от времени поглядывает. Контролирует, стою я там, где должна, или нет? Злость берет! Привез сюда – развлекай, разве нет? Зачем я здесь? Подпирать стену?

Настроение ни к черту даже тогда, когда Стефания ко мне возвращается. Она улыбается и что-то рассказывает, а у меня сердце проваливается куда-то в пятки, потому что в этот момент я вижу Злату, вошедшую в дом царской походкой. Она обводит взглядом огромную гостиную, находит Тана и, конечно же, направляется к нему. Взгляды многих присутствующих устремляются в мою сторону. Девушки смотрят с жалостью, а парни – с интересом.

Реакцию Тана на появление Златы не вижу. Она загораживает его от меня своим телом.

– Он приехал с тобой, – слышу шепот Стефы рядом. – Это что-то да значит.

Пропускаю ее слова мимо ушей. Вместо этого наблюдаю за тем, как по-хозяйски Злата вклинивается рядом с Таном и закидывает на него ноги. Впервые за весь вечер жалею, что так и не притронулась к алкоголю, а потом все же подхожу к столу и забираю свой бокал с шампанским. Он остался

нетронутым, и я осушаю его до дна.

– Будешь еще? – спрашивает парень, стоящий рядом.

– Давай, – протягиваю ему пустой бокал.

Он быстро наполняет его шампанским и протягивает мне:

– Я Натан, – представляется с широкой улыбкой.

– Соня.

Собираюсь отпить из бокала шампанское, но его резко выдергивают из моих рук. Даже предполагать не приходится, кто это – и так все понятно. Перевожу, надеюсь, что полный ненависти, взгляд на Тана.

– Предполагалось, что и пить налитое кем-то незнакомым ты не будешь.

– Мы познакомились, – забираю из рук Тана бокал со своим шампанским обратно. – Это Натан, и он любезно налил мне шампанское, которое я собираюсь выпить.

Мы буравим друг друга взглядами до тех пор, пока рядом с Таном не появляется Злата. После я отворачиваюсь, отправляю широкую улыбку такому любезному Натану и с удовольствием делаю еще глоток.

Глава 12

Тан

Она ему улыбается. Искренне. Так, словно он, мать его, центр ее вселенной. На меня с момента, как к нему повернулась, не смотрит. Мастерски игнорирует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.